

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 33. Буэнос-Айрес, февраль 2017

Повесть двадцатого века

90 лет «Восстанию масс» Ортеги-и-Гассета

За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти. Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе.

Хосэ Ортега-и-Гассет

Эпохальный социологический труд XX века

В прошлом 2016 году исполнилось 90 лет первым публикациям, в отрывках, на испанском языке известного труда испанского философа Хосэ Ортега-и-Гассет «**Rebelión de las masas**», по-русски «**Восстание масс**», согласно общепринятому переводу. (Испанское слово «*rebelión*» было-бы точнее перевести как «**бунт**», ибо «восстание» по-испански – «*levantamiento*»). Затем этот эпохальный труд XX века был полностью опубликован в 1930 году в Мадриде.

Тогда, в 1926 году, прошло лишь четыре года с окончания пятилетней гражданской войны в России и с «похода на Рим» итальянских фашистов, приведшего их к власти в Италии, и всего лишь три года с неудавшегося восстания национал-социалистов в Мюнхене, мечтавших пойти походом на Берлин. Во всех этих событиях очевидна аналогичность их основных процессов: спровоцированные и подстрекаемые массы бунтуют, чтобы низвергнуть существующие политические режимы и воздвигнуть тоталитарные идеологические диктатуры, под возглавлением непогрешимых вождей. Принципиальная полнота соборного политического согласия подменяется декламируемой формальной идеологической монолитностью. Если нужно, при помощи государственного террора.

Ортега писал свой труд о восстаниях масс под несомненным впечатлением от этих его тогда исторических обстоятельств. Он повторял: *Я есмь я и мои обстоятельства (Yo soy yo y mis circunstancias)*. Больше того: он всю свою дальнейшую жизнь, в течение почти тридцати лет, пытался в свих трудах понять, осмыслить и философски объяснить причины и последствия этих исторических явлений.

Основными их социологическими причинами Ортега считает **расколы в народных верованиях** и вследствие этого потерю политического консенсуса и легитимности высшей политической власти. Эту тему он обстоятельно разбирает и анализирует в своих двенадцати докладах в Мадриде в 1948 и 1949 годах, затем посмертно изданных в 1960 году под названием «**Una interpretación de la historia universal**» («**Одна интерпретация**

мировой истории». Этот труд я подробно комментирую в моей статье «Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет», в «Русских тетрадах» № 29). Ортега утверждает: *«За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти»* (Op. cit. p. 226). **Раскол в верованиях начинается с сомнений, и кончается инфекцией этой раны раскола инфильтрованными идеологиями.**

Необходимо отметить, что Ортега-и-Гассет обращает внимание на исторические исследования русского учёного-эмигранта, Михаила Ивановича Ростовцева, без которых *«мы не могли бы полностью понять истории Рима»*. М. И. Ростовцев считает, что кризис Римской Империи и коллапс её западной части был вызван главным образом **иссяканием творческой энергии у римской элиты**, римского ведущего класса. Хотя Римская Республика и продолжала формально сохранять свои два аристократических сословия, класс сенаторов и класс всадников, они перестали быть хранителями реальной власти и творческого руководства и стали постепенно вырождаться.

Таким образом, возрождение общественно-политической легитимности в государстве предполагает предварительное возрождение политического консенсуса, не основанного на терроре, и возрождение народных верований и «системы нравственных норм поведения», при одновременной подготовке и селекции государственных служебных элит.

Ортега из перспективы русского эмигранта

Этот труд Ортеги-и-Гассета, а затем и всё его творчество, сыграли не малую роль в моей интеллектуальной жизни, начиная с моего 20-летнего возраста, и до сих пор, когда мне уже пошел девятый десяток. Я в течение семидесяти лет, так или иначе, в той или иной степени, находился в перманентном диалоге с его мыслями, что многие читатели моих статей могли заметить. Именно, учитывая возможный интерес этих читателей, я решил кратко описать хронологию моего знакомства с трудами Ортеги и с его философией, и мое видение этой философии из моей перспективы, ибо, согласно Ортеге, *«действительность можно видеть из разных перспектив»*. Началось это в тяжелые послевоенные времена, в положении жалких голодающих беженцев, во время поисков, в большинстве случаев неудачных, ближайших родственников.

После окончания Второй Мировой войны в Западной Германии оказалось несколько миллионов иностранцев, разных национальностей и категорий, которые получили от ООН общее наименование «перемещенных лиц». Со временем число иностранных беженцев а Западной Германии таяло, из-за их разъезда в разные страны. Сколько из них было россиян, трудно сказать, ибо сами они часто скрывали свое гражданство и настоящее этническое происхождение, да и официальная статистика пыталась скрыть или исказить их настоящее число. Во всяком случае, я думаю, что, через два года после окончания войны, их оставалось в Западной Германии еще около полумиллиона, хотя некоторые авторы доводят число русских и российских беженцев тогда в Западной Германии даже до одного миллиона.

При этом, с социологической точки зрения, важно отметить, что процент интеллигенции среди русских эмигрантов обеих волн тогда был довольно высокий. Известно, что т. н. «русская старая эмиграция» с самого начала состояла в подавляющем большинстве из гуманитарной, военной и технической интеллигенции. Однако и т. н. «новая русская эмиграция» тоже в большинстве своем состояла из интеллигенции, ибо в Германии тогда остались главным образом бывшие военнопленные офицеры Красной Армии, как кадровые, так и призванные во время войны. Большинство из них тогда это отрицали, чтобы не быть выданными в СССР, и скрывались под вымышленными фамилиями и национальностями. Все эти русские эмигранты составляли тогда одну большую солидарную семью, размерами чуть ли не маленького государства. Они образовывали две большие группы: одиночки в рамках маленьких общин, разбросанных по городам и городишкам Западной Германии, и большие, многотысячные лагеря, со сложной

и организованной общественной жизнью. Пару таких колоссальных лагерей находилось в городе Мюнхене, но они были и в других местах.

В один из таких больших русских лагерей, в Мёнхегофе, около города Кассель, я приехал в первой половине 1946 года, вместе с одним моим молодым другом из «новых эмигрантов», в поисках родственников. Почти все тогда искали своих родственников и друзей, которых жестокая война немилосердно разбросала в самых невероятных направлениях. Мне тогда было 18 лет, и я искал моего отца и двух дядей, братьев моей матери. Один из них отсидел четыре года в немецком лагере для военнопленных, как офицер Югославянской Армии, а посему я его искал в лагерях бывших сербских военнопленных, в то время как отца и другого дядю я искал по русским лагерям. Во время моих расспросов в лагерях Мюнхена, мне посоветовали поехать в большой русский лагерь в Мёнхегофе, вблизи Касселя, на северо-востоке американской зоны в Германии, и я решил туда поехать. Станным образом, это и было первым предварительным шагом для моего знакомства с испанским философом Ортега-и-Гассет.

Пассажирских поездов в Западной Германии тогда почти не было, ибо оккупационные власти их еще не разрешили, но товарные поезда уже ходили. Пару сот километров из местечка Бухлоэ, где мы жили (70 км. на югозапад от Мюнхена), до Касселя, мы ехали полтора дня, в будках между товарными вагонами. Всю ночь мы с моим другом простояли в одной такой будке между двумя вагонами втроем, вместе с одним немолодым немцем. Он удивлялся, что мы говорим на каком-то ему непонятном языке. Он хорошо знал, что существуют два языка: немецкий и английский, на котором теперь в первую очередь публикуются прокламации и приказы оккупационных сил. Я ему объяснил, что мы говорим по-русски. Наш разговор прервал какой-то громкий крик в темноте, на какой-то станции, где мы уже довольно долго стояли, ожидая встречного товарного поезда. Я сошел из будки на перон и увидел, что наконец на станцию въехал ожидаемый товарный поезд, с большим запозданием. Начальник станции, в красной фуражке, кричал на машиниста и читал ему лекцию, что нельзя запаздывать: это немецкие железные дороги и на них нельзя запаздывать, без уважительных причин. Бомбардировок товарных и пассажирских поездов с беженцами англо-американскими самолётами больше нет, так что и опаздывать нельзя. Машинист отвечал, что теперь также больше нет и немецких властей и немецких железных дорог, ибо всем командуют «амис» (американцы), так что можно опаздывать. Начальник станции отвечал, голосом сержанта: *Aber Deutschland bleibt!* (Но Германия остается!).

До русского лагеря в Мёнхегофе нам пришлось довольно долго идти пешком из Касселя. Это, кажется, был при немцах лагерь для иностранных рабочих в Германии, с бараками, аккуратно построенными вдоль внутренних улиц лагеря. Каждый барак имел корридор во всю свою длину, по обе стороны которого находились большие комнаты, по приблизительно 4 на 5 метров. На каждой стороне корридора было, кажется, пять таких комнат. Бараки были из деревянных досок, с полом тоже из досок, почти пол метра над землей. Это был один из видов стандартных тогда барачков по всей Германии. Весь лагерь был оцеплен колючей проволокой, а при входе, за шлагбаумом, стояла будка вооруженной охраны из насельников лагеря, с повязкой на рукаве, с надписью по-английски «лагерная полиция». Нас встретили с подозрением и осторожно. Оказывается, недалеко проходила граница советской оккупационной зоны, из которой часто засылали пропагандистов, агитировавших бывших красноармейцев, чтобы они возвращались на родину. Я заявил, что я сын «старых» эмигрантов, как и мой товарищ. Не надо врать, ведь он из Днепропетровска, как и я, ответил начальник охраны, видимо бывший офицер Красной армии. Вызвали какого-то старого эмигранта из Сербии, который меня переэкзаменовал по сербскому языку, после чего нам разрешили посещение лагеря. Нам показали несколько барачков, переделанных под православную церковь, русскую школу, театр со сценой и администрацию лагеря, рядом с библиотекой. Под конец нам показали редакцию их еженедельного лагерного бюллетеня «Посев», который вначале печатали на пишущей машинке и размножали на ротаторе. Нам предложили подписаться на него. Немецкая почта

уже начала работать, и этот бюллетень регулярно посылался по почте по всей Западной Германии, сказали нам. Я вначале колебался, ибо их лагерные новости меня не интересовали, а международные вести я читал в немецких газетах, которые начали выходить два раза в неделю. Один из членов редакции нам сказал, что скоро бюллетень превратится в еженедельный журнал, с книжными обзорами и интересными воспоминаниями современников. Я подписался и вскоре стал получать этот журнал.

Действительно, в «Посеве» стали появляться очень интересные материалы. Самым интересным материалом мне показался перевод на русский язык известного труда Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», который публиковался отрывками в течение продолжительного времени. Я это произведение испанского философа до этого не читал, на каком языке, но о нём слышал. Перевод «Посева», насколько я помню, был сделан с немецких переводов «Восстания масс», которые в те времена вдруг стали очень популярными в Германии. Кажется, что затем этот перевод на русский язык был сверен с английскими переводами. Сегодня обыкновенно утверждают, что впервые перевод на русский язык этого труда Ортеги был сделан в России в 1989 году, но это не верно, ибо первый перевод на русский язык был опубликован в Русской Эмиграции, в журнале «Посев», более сорока лет до этого. Причем, перевод на русский язык, а затем и публикация, этого одного из важнейших в XX веке философских трудов, были реализованы в лагере бездомных и практически голодающих русских эмигрантов, в чужой стране, без «бюджетов», «инструкций» ни «соцзаказов».

Этот факт является наглядным подтверждением интеллектуального и вообще культурного, а не только политического, значения Русской Эмиграции. Сегодня наступает время начать серьезно изучать забытые публикации Русской Эмиграции между 1945 и 1990 годами. Например, опубликованные в журнале «Грани» воспоминания известного меньшевицкого лидера Бориса Николаевского, редактора выходившего в Нью-Йорке журнала «Социалистический вестник», о том как готовились сто лет тому назад перевороты в России, проливают окончательный свет на закулисные моменты этих исторических событий. Николаевский публикует воспоминания его друзей о том, как тогда готовились и разрабатывались на секретных заседаниях масонских лож в Петербурге «парламентские дискуссии» между лидерами разных партий, с распределением ролей между ними и определением тем их выступлений. Без учёта этих признаний невозможно правильно оценить тогдашние исторические события т. н. «февральской революции», которая должна была разоружить русское правительство, русские вооруженные силы и вообще Русское государство, чтобы в Россию тогда, во время войны, могли безнаказано явиться агенты наших тогдашних врагов и одновременно наших союзников. Как видно, уже эта первая «цветная революция» XX века внедрялась одновременно с нескольких сторон.

На меня лично чтение перевода на русский язык «Восстания масс» произвело тогда очень большее впечатление, особенно утверждения Ортеги, что в наше время даже лучшие (аристократические) элементы общества часто «массифицируются». Также и его прогноз исторической бесперспективности двух, тогда казалось-бы триумфирующих, идеологий коммунизма и фашизма. Ортега уже тогда, во второй половине двадцатых годов XX века, утверждал, что эти две идеологии не имеют будущего, ибо они не только отрицают, но и не принимают во внимание прошлое. Будущее же вытекает из прошлого, так что эти две идеологии сами ампутировали себе свое собственное будущее, думая, что ампутируют чужое прошлое.

Ортега в оригинале, на испанском языке

Сегодня я не помню, сыграло ли какую-нибудь роль мое знакомство с «Восстанием масс» в переводе на русский язык в моём решении в 1947 году учить испанский язык в Германии. Я уже писал в моих воспоминаниях, что тогда организация ОН для беженцев «IRO» сообщила всей миллионной массе беженцев в Германии, что все нежелающие возвращаться в свои страны беженцы должны будут в течение следующих лет

эмигрировать из Германии в заокеанские земли и что для этого надо учить их языки. По всем местам проживания беженцев в Германии тогда были организованы курсы английского и испанского языков. Нам рекомендовали записаться на какой-нибудь из них. Я записался на курсы испанского языка, за что меня многие критиковали, утверждая, что английский язык важнее. За год с лишним моего посещения этих курсов, два раза в неделю, у меня мало что получилось.

Когда я с моей семьей в августе 1948 года оказался на итальянском корабле «Олимпия», направляющемся в Буэнос-Айрес, я вдруг понял, что надо серьезно браться за испанский язык. Я решил его учить в течение десяти дней, из тридцати дней плавания, по сто слов в день. Мне заняли словарь в 10.000 слов, из которых я подчеркнул карандашом тысячу слов, казавшихся мне важными для разговора, и стал «зубрить» по сто слов в день, с утра до вечера. Почти все пятсот русских эмигрантов на корабле надо мной тогда смеялись, говоря, что я ничего не выучу. За день до прибытия в Буэнос-Айрес, десятки человек меня проверяли вразброд по словарю. Оказалось, что я знал около 800 испанских слов.

Первые годы моего пребывания в Аргентине я работал рабочим на одном металлургическом заводе и одновременно пытался поступить сперва на юридический факультет, а затем на экономический. Из этого ничего не вышло, ибо в Аргентине тогда не признавали европейских школьных дипломов. Случайно я узнал, что можно попытаться поступить в Высшую Школу Журналистики, если сдать вступительный экзамен по испанскому языку, в дополнение к европейским школьным свидетельствам. После часового разговора с директором Школы, мне разрешили сдать вступительный экзамен, что я и сделал через месяц. Все эти годы я не читал никакого произведения Ортеги. Жизнь была очень трудная, тем более, что у нас не было жилища, и мы должны были купить маленький участок земли, на котором решили построить маленький домик для нашей семьи: моей мамы, моих двух младших сестёр и моего младшего брата. Так что времени для чтения было очень мало.

Однако, в октябре 1955 года, за два месяца до окончания моего учения в Высшей Школе Журналистики, в Испании скончался Хосэ Ортега-и-Гассет, и вся печать интенсивно стала публиковать много заметок и материалов о нём. В следующем 1956 году мне удалось устроиться переводчиком с немецкого языка на испанский язык, при президенте одной немецкой металлургической фабрики в Буэнос-Айресе, что увеличило мои возможности заниматься интеллектуальной работой.

В 1960 году в Испании был посмертно издан труд Ортеги **«Одна интерпретация мировой истории»**, который вызвал у меня чрезвычайный интерес и оказал на меня не малое влияние, тем более что главная его тема касалась всемирной истории, которая меня особенно интересовала. Этот труд я с тех пор много раз читал по частям и подряд. Затем я стал изучать его труд **«Что такое философия»**, опубликованный посмертно в 1958 году. Под влиянием этого труда, я решил поступить на философский факультет, хотя это было крайне трудно для меня. Я работал от 8 до 18 часов, а лекции на факультете, присутствие на которых было обязательным, были от 19 до 22 часов, после чего мне нужно было еще целый час ехать до дому. Полный курс на факультете длился пять лет, но после трёх лет я был вынужден прекратить эту мою учёбу в 1964 году, ибо я был просто не в силах её продолжать. Один раз я заснул во время лекции и почти упал со стула. Кроме того, у моей жены родился третий сын, Андрей, и она меня просила не оставлять её ночью одну дома.

После этого, прошло немного более четверти века, как в аргентинском городе Кордоба, получившем название по испанскому одноименному городу, был организован большой Международный конгресс философии в 1987 году. Я записался на него и в течение одной недели с утра до вечера присутствовал до полдня на его пленарных собраниях, а после обеда на разных комиссиях. Вдруг ко мне во время конгресса подошли какие-то делегаты, с просьбой помочь переводить с русского языка на испанский беседы с русской делегацией. На самом деле она официально называлась «советской», но сами оба делегата говорили, что она «русская». Официальными языками Конгресса были испанский и

английский языки и на этих двух языках были все доклады, но английских переводчиков для отдельных разговоров не хватало, так что меня попросили помочь. Русская делегация состояла из двух человек: главного редактора журнала «Вопросы философии» В. С. Семёнова и еще одного философа. К ним вскоре присоединился один немецкий философ из Восточной Германии, а за ним и один католический священник и философ из Западной Германии. Так что у меня оказалось много дополнительной работы, но я был рад, ибо все эти делегаты были очень культурными и симпатичными, что мне доставляло большое удовольствие. После Конгресса, редактор журнала «Вопросы философии» имел несколько официальных встреч, в том числе с Ректором Кордобского Государственного университета и с Деканом его философского факультета. Я был переводчиком при всех этих официальных встречах и даже получил в благодарность от Ректора художественную литографию этого первого в Аргентине Университета в 16-ом веке, с благодарственной надписью.

Из Кордобы мы поехали в Буэнос-Айрес, это около 800 километров. В Буэнос-Айресе я редактору журнала и его коллеге показал немного город и пригласил их к себе домой на обед. У меня в столовой на нижнем этаже находится довольно большая общая библиотека, но в кабинете на верхнем этаже у меня есть маленькая личная библиотека книг, только на философские и исторические темы. Среди них почти все сочинения Ортеги и многие труды блестящих русских философов и мыслителей, изгнанных из России в 1921 году. Эти книги вызвали у редактора журнала «Вопросы философии» не малый восторг. Он восклицал: я про этот труд слышал, но его не видел и не читал, дайте мне его, я его опубликую. Он стал особенно выпрашивать у меня несколько книг. В конечном итоге, я ему подарил несколько книг, из них одну особенно редкую. Я его тогда спросил: А Ортегу вы уже публиковали? «Восстание масс» публиковали? В 1989 году журнал «Вопросы философии» опубликовал «Восстание масс».

Ниже, я воспроизвожу текст моей статьи, сорокалетней давности, которая была опубликована передовицей в газете «Наша Страна» № 1348, от 30 декабря 1975 года.

Пунта дель Эсте, Уругвай, февраль 2017 г.

И. Н. Андрушкевич

Хосе Ортега-и-Гассет: рой мыслей

В этом 1975-м году исполнилась 20-я годовщина со дня смерти выдающегося испанского мыслителя Хосэ Ортега-и-Гассет (9.5.1883 – 18.10.1955).

Значение Ортеги в современной философии несомненно. Можно сказать, что нет современной животрепещущей интеллектуальной темы, на которую Ортега-и-Гассет не высказал бы ряд (или, как выразился о нем Арнольд Тойнби: «пчелиный рой») глубоких мыслей. Широкую известность Ортега получил благодаря своему труду «Восстание масс», написанному полвека тому назад. (В отрывках этот труд начал публиковаться в 1926 году, первое издание по-испански вышло в 1930. По-русски был опубликован в отрывках в журнале «Посев», а затем в 1954 в Издательстве имени Чехова). В Испании Ортега был широко известен и до этого, главным образом благодаря своим статьям в журнале «El Espectador» («Зритель»), несколько схожим по жанру и форме с «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского. Основными трудами Ортеги, в хронологическом порядке, являются:

«Размышления Кихота» (1914). «Бесхребетная Испания» (1921). «Мирабо или политик» (1927). «Идеи и верования» (1940). «История как система и о Римской империи» (1941). «Человек и люди» (1957). (Этот труд и все последующие изданы посмертно). «Что такое философия» (1958). «Идея начала у Лейбница» (1958). «Одна интерпретация всемирной истории» (1960). «Прошлое и будущее для современного человека» (1962). Полное собрание сочинений Ортеги состоит из 12-ти томов.

Сам Ортега как философ и многие его выражения стали весьма популярными не только среди читающей и мыслящей публики, но и вообще среди широких кругов населения западных стран. Однако необходимо отметить, что эта популярность носит несколько поверхностный характер. Самые глубокие его мысли зачастую хорошо не известны и не всегда хорошо понимаются. Может быть, это происходит потому, что некоторые его основные труды имеют не всегда доступный для среднего читателя характер и очень часто сильно опережают современное состояние и направление мысли. Нужно иметь в виду, что многие мысли Ортеги **еще не актуальны**. А иногда, просто оставляются в стороне по идеологическим соображениям. Но, кроме того, всё творчество Ортеги ярко окрашено его определенным литературным стилем, трудно переводимым, иногда облегчающим, а иногда и затрудняющим (из-за отвлечения богатством форм и слов) уяснение всех деталей бьющейся за стилем мысли.

Ортега владеет прекрасным, живым и невероятно богатым испанским языком. К тому же, он любит увлекаться лингвистикой. Он считает, что истинный философ должен быть своего рода поэтом. Он говорит, что Платон, как хороший философ, был поэтом и художником слова. Истинная философия не имеет ничего общего со скучной псевдоакадемической жвачкой. (Да и далеко не все академики и профессора философии являются философами. Ученик Ортеги, Х. Мариас, говорит, что в настоящее время в мире живут десятки тысяч профессоров философии, но всего лишь несколько философов). Красота и выпуклость стиля помогает достижению ясности. Ясность достигается также спиралеобразным поступательным движением от окраин к центру темы. *«Ясность – это вежливость философа»*. Как и поэты, философы должны прибегать к метафорам, для коренного выявления проблем. Ортега одновременно и публицист, и его статьи и краткие эссе иногда содержат мысли не менее значительные, чем те, которые он разбирает в своих основных трудах. Такая комбинация мыслителя, художника слова и публициста – может создать впечатление некоторой несистематичности преподнесения философских доктрин Ортеги. Но он как раз и боится мертвящего рационализма, будь то схоластического, будь то энциклопедического. Творцы в области мысли редко были компиляторами и систематизаторами. У самого Платона всё творчество носит формально не систематический характер. Упрощая до максимума, можно сказать, что в творчестве Ортеги есть две центральные темы: общественно-историческая и чисто философская.

Ортега утверждает, что если животные живут в природе, то человек живет в истории. Человеческое измерение есть измерение историческое. В то время как физическое измерение подчинено законам логики, измерение историческое шире и глубже всякой логики, хотя бы потому, что охватывает также иррациональные элементы. Поэтому в области естественных наук так много «ясных голов», в то время как в области исторически-политической жизни человечества таких голов мало. И очень многие «ясные головы», так блестяще разбирающиеся в точных науках, ничего не разбирают в общественно-политической жизни. Но Ортега не отрицает разум. Он только говорит о необходимости применения по отношению к человеку «исторического разума», или «жизненного разума» («razon vital»).

Ортега не только сетует на а-историчность современной мысли, но и крайне недоволен современными социологическими науками. (Современную социологию он даже не считает наукой). Он был вынужден поэтому разработать и предложить свою собственную социологию. Человека «я» нельзя изолировать от окружающих его обстоятельств. Еще в 1914 году он определяет: «Я это я и мои обстоятельства». («Yo soy yo y mi circunstancia»). Но человек, в отличие от животных, имеет возможность иногда временно оторваться от своих «обстоятельств», от своей жизненной периферии, и углубиться, уйти в самого себя. Это «погружение в самого себя» (encimismamiento) позволяет человеку сосредоточиться и выработать «программу действий», программу своей жизни. В свою очередь, эта программа облегчает дальнейшую жизнь, позволяя новые и более продолжительные «самоуглубления». В этом процессе и создается культура. (Ортега

считает, что человек в последнем своем углублении, в абсолютном уже одиночестве, на дне своей души, как он говорит, находит Бога).

Учреждение власти, для того, чтобы быть легитимным, не должно *«вдохновляться лишь формальными и абстрактными соображениями, но обстоятельствами, исходящими из глубины твердых верований, составляющих душу нации, пока нация имеет душу»*. (Какой убийственный приговор для всех идеологических программ и конституций!). Таким образом, общее согласие о том, кто должен обладать высшей властью в государстве, имеет почти мистический характер и своими корнями уходит в мироощущение нации.

Ортега иронически отзывается о модных теперь «правах» (в множественном числе) и о «справедливости» (justicia). Необходимо делать различие не только между свободой и «свободами», но и между правом и «правами». В связи с этим Ортега выносит уничтожающий приговор: *«Умственный мармелад, каковым является сладкий либерализм, никогда не дошел до того, чтобы ясно видеть значение этого ужасного факта, каковым является государство»*. Ортега говорит о «неуклюжести» веры в то, что право является правом, потому что оно справедливо. Для римлян (этих гениев в области права) право было справедливым потому, что оно было правом. Право для них не исходило из воли законодателя, но было как бы **общим знаменателем**, на котором основывалась власть. Право – это краеугольный камень, на котором держится согласие граждан. *«Магистраты глаголят законом»*, - цитирует Ортега Цицерона. Но, опять же, эта «институция права» жила тем, что корни её находились как бы **вне права и вне самого государства**, в самой глубине общества: это – **нравы**. И опять Ортега цитирует древних, на этот раз Горация: *«Законы без нравов напрасны»*. («Lege sine moribus vanae»).

Самой легитимной формой власти является монархия, ибо она имеет мистическое происхождение, и её корни тоже находятся **вне политики и вне самого общества**. Легитимность власти гарантирована, пока общество имеет под собой твердую почву верований. Когда происходит **раскол в народных верованиях**, все начинает шататься. Это и есть плюрализм. Такое оправдывание одних ценностей (права, власти) другими (нравами, верованиями) тесно связано с пониманием бытия у Ортеги. Бытие – структурно, перспективно, иерархично. *«Без иерархии космос возвращается в состояние хаоса»*.

Государство должно служить нации, а не нация государству. Мелкие политики думают о том, чтобы что-то делать в государстве и для государства. Но настоящая политика состоит в том, чтобы **при помощи государства, как инструмента, творить благо нации**. Ибо *«в истории торжествует жизненность нации, а не формальное совершенство государств»*. Для такого здорового творчества с позиций государства на благо нации, необходимо присутствие **творческих меньшинств**, могущих противостоять **центробежным силам широких масс**, иногда бунтующих. Творить могут только личности, а не коллективы. Массификация современной жизни ведет к варварству. Также *«разрыв с прошлым производит то, что мы сейчас переживаем: впадение человечества в варварство»*. Современные политики также виноваты в этом, так как они *«с каждым днем становятся все меньше действительными правителями, то есть ответственными и предвидящими руководителями народов. Они прогрессивно идут на поводу у масс... превращаясь в простых выразителей их мимолетных appetitov»*. Что касается демократии, то *«демократия сама по себе враг свободы, и если ее не сдерживать чужими ей силами, она своим собственным весом ведет к абсолютизму большинства»*.

Переходя к области чистой философии, нельзя не отметить двух моментов в системе Ортеги. Первый из них касается самой философии. Согласно Ортеге, философия является вынужденным исканием правды, после того, как эта правда оказалась потерянной в результате сперва сомнений, а затем и раскола в верованиях. Пока человек стоит на твердой почве верований, которые символизируют для него действительность, он не нуждается в философии. Только лишь **со-мнения** приводят к образованию многих **мнений** (домыслов), разобраться среди которых и есть задача философии.

Вместе с философией зарождается **логическая** мысль. Но существуют и другие виды мысли, например, мысль религиозная. Наряду с «логическим разумом» существует и «жизненный разум», объемлющий рациональное с иррациональным. *«Первичная задача разума, это брать вещи таковыми, какие они есть, не убавляя и не прибавляя ничего».*

Философия должна быть незаинтересованной в исходе своего разбора. Когда философия становится утилитарной, она перестает быть философией. (Можно добавить, что став утилитарной, она вырождается в идеологию). Кроме того, философия не есть категорический ответ на вопрос о том, «что есть истина». Философия («любомудрие») есть только лишь *«любовь к правде, к истине»*, познаваемой трудно и относительно. Ортега подчеркивает, что именно так зародилась философия в древней Греции, после того, как первоначальные верования оказались в кризисе. Он также подчеркивает выражение «эрос» (любовь), которым Платон определяет отношение философа к познанию и к правде.

Второй важный момент в системе Ортеги – это его позиция по отношению к двум основным течениям в философии: к реализму и к идеализму. Реализм был наивным любованием космоса, при одновременном ощущении самого себя лишь частью этого космоса. Идеализм – это открытие внутреннего «я», открытие, которое, доведенное до конца, приводит к превращению окружающего космоса в некоего рода проекцию этого я. Преодоление и реализма, и идеализма в новом **синтезе субъективного и объективного космоса** и должно быть следующим этапом философской мысли.

В заключение можно сказать, что нет необходимости соглашаться полностью со всеми мыслями и высказываниям Ортеги. Но ему нельзя отказать в исключительной интеллектуальной честности, в глубокой эрудиции и в горячей любви к познанию действительности. Богатство его мысли стимулирует дальнейшие поиски «того, что есть», как он выражается. Ортегу критиковали, смотря по обстоятельствам, то за релятивизм, то за несистематичность, то за отсутствие явных религиозных мотивов в его творчестве. Но в большинстве случаев, эта критика основывается или на неполном знании его творчества, или на несовременности его мыслей, опережающих эту современность. Многие его мысли неприемлемы ни тоталитаристам, ни либералам, ни иезуитам, ни экзистенциалистам, ни крайним идеалистам, ни крайним реалистам.

Были попытки иногда восхвалять Ортегу за его мнимые качества, которыми он на самом деле не обладал. Так, например, когда Ортега-и-Гассет скончался 20 лет тому назад (предварительно причастившись, как верующий католик), некоторые испанские политические активисты раздавали на его похоронах летучки, в которых говорилось, что Хосэ Ортега-и-Гассет *«философ и либерал»*. Судя по их безвкусице, авторы этих летучек сами были либералами. Хосэ Ортега-и-Гассет хотел быть и был только лишь философом.

(«Наша Страна» № 1348, от 30 декабря 1975 г.)

И. Н. Андрушкевич

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 33. Буэнос-Айрес, февраль 2017 года. X год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com

При использовании и перепечатке материалов ссылка на источник обязательна.

Все предыдущие номера помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>